

НЕКРОЛОГ. OBITUARY

Наталья Михайловна Перцова 1929–2016

10 июня 2016 г. ушла из жизни Наталья Михайловна Перцова, старший научный сотрудник кафедры зоологии беспозвоночных Московского государственного университета, кандидат биологических наук. Мы потеряли не только выдающегося знатока зоопланктона Белого моря и других морей Арктического бассейна, из жизни ушла одна из последних и наиболее значительных фигур, связанных с героическим периодом создания Беломорской биологической станции МГУ, уникального феномена интеллектуальной жизни нашей страны, сыгравшего неопределимую роль в развитии всей российской науки.

Фото: Наталья Михайловна Перцова (фото Н.Н. Римской-Корсаковой).

Н.М. Перцова (урожденная Глухова) родилась в 11 июня 1929 г., после окончания средней школы поступила в Московский городской педагогический институт им. В.П. - Потемкина (в 1960 г. он был слит с МГПИ им. В.И. Ленина, ныне это Московский педагогический государственный университет). Это было очень серьезное заведение (в частности, кафедрой зоологии в ней заведовал выдающийся териолог профессор С.И. Огнев), дававшее будущим педагогам глубокое и разностороннее биологическое образование. Н.М. Глухова была членом студенческого научного кружка, которым руководил известный гидробиолог И.И. Малевич, и под его руководством члены этого кружка, пятеро студентов, в 1949 г. совершили поездку

на Белое море в Кандалакшский гагачий заповедник. Студентки МГПИ жили на острове Лодейном, а на соседнем острове Ряжков жили студенты МГУ, и среди них Н.А. Перцов — бывший фронтовик, молодой красавец с огненными глазами (в Н.А. Перцове была южная кавказская кровь). Для Н.А. Перцова это было уже второе лето на Белом море, и он взял шефство над студентками МГПИ. В распоряжении Н.А. Перцова была весельная лодка, и однажды он вместе со студенткой Н.М. Глуховой проплавал на этой лодке всю белую ночь, показывая окрестные острова и бухты. В конце 1951 г. Н.М. Глухова и Н.А. Перцов поженились, а уже в январе 1952 г. молодожены приехали на место, обозначенное как Беломорская биостанция МГУ.

Я употребляю этот оборот («место, обозначенное как...») не случайно. Формально Беломорская биостанция МГУ была основана в 1939 г., но даже и через 6 лет после окончания Великой отечественной войны на месте биостанции была только маленькая жилистая сторожка и два полуразвалившихся сарая. Это было место, которое с большой натяжкой можно было назвать полевой базой. Небольшие группы студентов приезжали туда летом, жили в палатках, и о серьезных исследованиях в таких условиях не могло быть и речи. За 12 лет формального существования биостанции (из них четыре — это годы войны) на ней сменилось несколько директоров, и когда в 1951 г. очередным директором был назначен только что окончивший кафедру зоологии беспозвоночных 27-летний Н.А. Перцов, никто и предположить не мог, что все изменится коренным образом. Видимо, было в этом молодом человеке что-то, отличавшее его от других, и наверное, это было то самое, что заставило его, 17-летнего, осенью 1941 г., обманув медицинскую комиссию и прибавив себе год, пойти в народное ополчение защищать Москву. Как известно, ополченцы, вставшие на пути отборных частей гитлеровского вермахта, почти все полегли под Москвой, но судьба пощадила Н.А. Перцова. Она готови-

ла его для другого подвига, и этим подвигом была вся его жизнь, этим подвигом стало создание Беломорской биостанции МГУ.

О жизненном подвиге Н.А. Перцова, о создании Беломорской биостанции написано уже немало, и будет написано еще больше, и написано много лучше, чем может это сделать автор этих строк. Скажу только, что Беломорская биостанция, созданная гением Н.А. Перцова (а он был гений, настоящий гений, если следовать правилу: «талант — это тот, кто легко делает то, что для других очень трудно, а гений — тот, кто делает то, что для всех других — невозможно»), — это не просто центр образования и науки, это — особое явление в интеллектуальной и духовной жизни России, особая маленькая страна, попав в которую, люди дышали другим воздухом, воздухом добра и благородства, бескорыстия и самоотверженности. Несколько месяцев, проведенных на Беломорской биостанции, могли изменить и меняли человека, он становился другим и помнил об этих нескольких месяцах всю жизнь. Абсолютной правдой будет то, что этот дух биостанции был создан Н.А. Перцовым, и этот его вклад в духовное развитие многих сотен людей, прошедших в юные годы через биостанцию, значил не меньше, чем построенные им лаборатории, дома, общежития, причалы, дороги и линии электропередач.

Н.М. Перцова была рядом с Н.А. Перцовым, рядом в буквальном смысле: они вместе зимовали на станции, строили станцию в далекие 1950-е и 1960-е гг. На долю семьи Перцовых выпала нелегкая жизнь, — жизнь, в которой они не получили многого из того, что имели бы, останься они в Москве. Речь идет не только о комфорте и жизненных удобствах. Кипучая энергия Н.А. Перцова, его талант, целеустремленность, трудолюбие, находчивость и неотразимое человеческое обаяние несомненно сделали бы его одним из самых больших авторитетов в биологической науке, его ждали бы высокие посты, академические звания и все остальное, что получили (и вполне заслуженно) некоторые его сверстники оставшиеся рабо-

тать в московских институтах, но ведь тогда не было бы Беломорской биостанции. А Н.М. Перцова — несомненно талантливый, вдумчивый и глубокий исследователь, и разве не ждали бы ее докторские степени, профессорские звания и высокие должности? Но разве смог бы Н.А. Перцов сделать то, что он сделал, если бы рядом не было Н.М. Перцовой?

И все же, годы героического строительства Беломорской биостанции не были вычеркнуты из научной биографии Н.М. Перцовой. Белое море оказалось интереснейшим местом для изучения жизни планктонных животных. Более шести месяцев в году море покрыто льдом, но льды эти не стоят на месте. Приливно-отливные течения и сильные ветра постоянно ломают и двигают льды. Никто не знал, что делается в море в эти долгие зимние месяцы. Выходить на лед, брать пробы в зимнее время — смертельно опасно, но очень интересное занятие, ведь только так можно собрать сведения о жизненном цикле беспозвоночных в арктических широтах. Н.М. Перцова с товарищами отправлялись в многодневные лыжные походы по льдам Белого моря, — нужно было дойти до мест с большими глубинами. С собой несли лебедки, планктонные сетки, батометры и другое оборудование. Разыскивали рыбацкие избушки на островах для ночевки, но спать не удавалось, — чтобы совсем не замерзнуть (а морозы доходили до 28 градусов ниже нуля) приходилось всю ночь топить нарубленными дровами печку, сложенную из дикого камня. Потом снова шли на лед, делали проруби, опускали батометры и сетки, фиксировали добытые с разных глубин (планктонологи говорят «послойные») пробы. Надо было брать круглосуточные пробы по часам, а зимой на Белом море день совсем короткий, поэтому работали с фонариком. Остаться на льду круглосуточно было невозможно, разбились на две группы и работали посменно, чтобы иметь хоть час отдыха на берегу. К пробитым во льду лункам ходили каждые три часа, пользуясь поставленными заранее вешками, и ког-

да одна группа возвращалась, то встречала на пути другую группу, которая шла брать очередные пробы. Маленькой экспедиции никто не мог придти на помощь, поэтому шли по льду цепочкой, обвязавшись веревками. Так добывали материал, который позволил расшифровать невероятные детективные подробности жизненного цикла веслоногих ракообразных — главных и самых важных представителей зоопланктона. Никто не делал таких работ ни до, ни после Н.М. Перцовой, и ее данные о жизненном цикле беломорских калянусов и по сей день остаются уникальными, без этих данных не обойдешься, когда читаешь лекции о жизни Белого моря, но на рассказ о том, как эти данные добывались, обычно не хватает времени...

В 1970-е гг. стараниями Н.А. Перцова Беломорская станция обзавелась несколькими судами, на которых были проведены масштабные съемки планктона и бентоса в масштабах всего Белого моря. Это работы, в которых вся планктонная часть легла на Н.М. Перцову, расширили и дополнили наши сведения о жизни Белого моря, ведь единственная сделанная до этого съемка была проведена знаменитым К.М. Дерюгиным в 1920-е гг.

Беломорская станция, созданная героическим трудом студентов и добровольцев-строителей под руководством Н.А. Перцова, жила напряженной научной и учебной жизнью. В течение нескольких десятков лет Н.М. Перцова ежегодно вела практические занятия со студентами по зоопланктону, и этот небольшой по времени курс давал студентам невероятно много: ведь они не просто смотрели в микроскоп, они выходили в море, сами опускали планктонные сети, брали послойные суточные пробы, т.е. осваивали работу планктолога на деле. И, действительно, этот короткий курс давал нам, выпускникам кафедры зоологии беспозвоночных, реальные практические навыки. Много лет спустя автор этих строк, будучи начальником экспедиции в тропическом рейсе, удивляя коллег, спокойно, как зап-

равский планктонолог, наносил на карту сетку станций и сам обучал коллег, как брать пробы послойно, как делать суточные станции, — вот что значила для нас беломорская практика!

Н.М. Перцова была скромным человеком, она не умела или не желала «подавать себя», никогда не занималась пропагандой собственных научных достижений. Только постепенно становилось понятным, как мно-

го она внесла в понимание биологии беломорского планктона и как много она сделала для полноценного образования зоологов беспозвоночных. Только сейчас, когда Н.М. - Перцовой не стало, осознаешь, как много она значила для кафедры и как будет нам ее не хватать.

В.В. Малахов